
Глава I
ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Вначале было дело.

Гёте

Город Штутгарт взбудоражен. В воскресную ночь 3 июля случилось нечто необычное. Впрочем, никто толком не знает, что именно. Говорят, что видели, как проехал по улицам объятый пламенем экипаж, в котором сидели люди и смеялись. А среди них, говорят, сам господин черт. Перепуганные обыватели обратились за помощью к армии. Офицер, дежурный по гарнизону, поднял тревогу. Солдатам отдан приказ: при повторном появлении нечистой силу задержать и доставить на гауптвахту. Так, по крайней мере, говорят...

К этим разговорам прислушивается мальчик. Он улыбается: ему скоро исполнится пятнадцать лет, и он давно уже не верит в черта. Кроме того, ему доподлинно известно, что произошло на самом деле. Об этом написано в его дневнике: «Господин Тюркгейм устроил концерт, который собрал много посетителей. Продолжался он до двух ночи; чтобы гости не блуждали в темноте, их развезли по домам на лошадях при свете факелов. Вот так нечистая сила. Ха! Ха! Ха! О времена! О нравы! И это происходит в 1785 году».

Мальчик вспоминает другой случай, когда пассажиры почтовой кареты, пять или шесть человек, утверждали, что во время поездки их сопровождал почтальон без головы. До самых городских ворот ехал верхом на лошади, а головы как не бывало. И это говорят люди, получившие образование, занимающие административные посты. Впрочем, чему он удивляется? Ведь всего лишь девять лет назад в Нюрнберге увидела свет книга с красноречивым названием: «Основательное и подробное доказательство бытия и действия черта». А за год до этого в Кемптене сожгли ведьму. Правда, с тех пор ничего подобного не случалось, но где гарантия, что с этим навсегда покончено? У всех на устах слово «просве-

шение», однако не далее как три года назад здесь, в Штутгарте, герцог Карл-Евгений Вюртембергский запретил под угрозой ареста заниматься литературой полковому медику Фридриху Шиллеру. А в тюрьме Асберг до сих пор томится поэт Шубарт, брошенный туда без суда и следствия. И подобное творится не только в Вюртемберге; в каждом немецком карликовом государстве (их насчитывается свыше трех с половиной сотен) — свой деспот, свой произвол, свое мракобесие. Обо всем этом мальчик, правда, пока еще не задумывается. Он благонамеренный гимназист и твердо убежден в разумности существующего порядка.

Зовут его Вильгельм. Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он сын Георга Людвиг Гегеля, секретаря казначейства, уважаемого в Штутгарте бюргера. Отец считает, что школьных знаний недостаточно, и хотя Вильгельм успевает по всем предметам и при переходе из класса в класс неизменно получает награды, к нему на дом ходят учителя.

Вильгельм много читает. Карманные деньги он тратит на книги. Большое удовольствие доставляет ему посещение герцогской библиотеки. Она открыта для посторонних в среду и в субботу с двух до пяти. В просторной комнате стоит длинный стол, для каждого читателя приготовлены чернила, перо, бумага. На листке надо написать название книги, и служитель тотчас принесет ее вам. Когда Вильгельм впервые попал сюда, он выписал немецкий перевод сочинения Батте «Введение в прекрасные науки» и прочитал раздел об эпической поэзии.

Он любит серьезные книги. У него уже есть своя манера работы с ними. Из прочитанного он делает обширные выписки на отдельных листах, которые раскладывает по рубрикам: филология, эстетика, физиогномика, арифметика, геометрия, психология, история, богословие, философия. Внутри каждого раздела соблюдается алфавитный порядок. Все уложено в папки, снабженные этикетками; таким образом, нужную выписку можно легко найти. Эти папки будут сопровождать его всю жизнь.

Из книг можно почерпнуть глубокие мысли. Вот, например, достойное внимания рассуждение о ходе развития: «Как в делах, так и во взглядах человеческого рода великие революции никогда не проходят без подготовки, их бы так даже никогда не называли, если бы пригляделись к непрерывному ряду изменений. Людям, которых величают изобретателями, нельзя отказать в таланте и гениальности, но вместе с тем ясно, что человек, знакомый с состоянием науки в момент изобретения, гораздо меньше удивляется по-

следнему, чем тот, кто рассматривает изобретение как нечто неподготовленное. Светлые умы один за другим делают каждый какое-нибудь небольшое открытие, небольшое достижение в науке, дают ей новый поворот. Об этом обычно мало знают, особенно пока все это остается в пределах данной науки. Но вот приходит мыслитель, перед глазами которого лежат все эти открытия, и он как бы подводит им итог, он появляется в тот момент, когда движение мысли заканчивается в определенной точке, открывающей новые пути в новые сферы. Он делает, следовательно, только один шаг, как и его предшественники, но он делает его последним, и поскольку именно он достигает цели, то видят только его одного, не задумываясь над тем, как близко перед целью он уже был, когда начинал. В человеке, в природе, в душе происходит непрерывный рост, развитие». В дальнейшем эти мысли выльются в стройную теорию о переходе количества в качество. Но пока перед нами только выписка из анонимного автора, к тому же лишь перелагающего лекции некоего Абрагама Кестнера.

В домашней библиотеке юного Гегеля хранится томик Шекспира в немецком переводе, подаренный его учителем Лефевром в первые школьные годы. На книге надпись: «Теперь ты еще не понимаешь его, но скоро научишься»¹. С тех пор прошло уже десять лет. Исполнилось ли предсказание Лефевра? Трудно сказать. Во всяком случае, молодой человек в области художественной литературы не может похвастаться ни вкусом, ни эрудицией. Детство и отрочество Гегеля проходят на фоне бурного расцвета немецкой поэзии и прозы. Один за другим на свет появляются шедевры Шиллера: «Эмилия Галотти», «Гец фон Берлихинген», «Страдания молодого Вертера», «Натан Мудрый», «Разбойники». К окончанию школы будущий философ еще не знаком с этими произведениями. Книга, от которой он не может оторваться — «Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию» Иоганна Гермеса, — одно из самых жалких и скучных изделий тогдашней литературы, роман в шести пухлых томах, подробно описывающий однообразные картины будничной филистерской жизни. Чем могла привлечь Гегеля эта книга? Видимо, в нем самом есть что-то будничное и мещанское.

Действительно, откроем снова его дневник: *«Четверг, 14 июля.* Господин профессор Абель и господин профессор Хопф почтили нашу компанию своим посещением. Мы гуляли вместе с ними (!) и слушали их рассказы о Вене. *Пятница, 15 июля.* Я гулял с господином профессором Клес. Мы читали «Федон» Мендельсона... *Суббота, 16 июля.* Сегодня

умер господин городской писарь Клепфель, хотя все думали, что он выздоравливает. После него осталось девять детей, из которых один сын восемь дней назад был назначен на его должность, а другой прошлой осенью ушел в монастырь. *Понедельник, 18 июля.* Сегодня также умер господин правительственный советник и тайный секретарь Шмидлин, за едой от удара, когда хотел взять ложку»².

Перевернем несколько страниц. Гегеля в числе других образцовых учеников вызвали на педагогический совет. «К нам обратились с серьезным призывом предостеречь наших товарищей от дурных игр и дурного общества. Тут возникла компания молодых людей мужского пола 16—17 лет и женского 11—12... Мужчины (!) гуляют с девушками, разлагаются и убивают время самым бессмысленным образом»³.

«Никто не предчувствовал тогда, — пишет биограф Гегеля Куно Фишер, — что в этом невзрачном юноше, зачитывающемся таким жалким романом, таится глубокий мыслитель, которому суждено стать первым философом века»⁴.

Впрочем, это не совсем так. На одном из сочинений Гегеля, написанном в выпускном классе, стоят в качестве оценки латинские слова: «*Felix futurorum omen*»⁵. Это означает: «Счастлирое предзнаменование будущего». Сочинение называется «О некоторых характерных отличиях древних поэтов». Надо сказать, что насколько Гегель не в курсе современной литературы, настолько хорошо он знает античную. Он увлекается трагедиями Софокла и Еврипида, переводит Эпиктета и Лонгина, и ему нетрудно создать панегирик древним авторам. За год до этого в школьном сочинении «О религии греков и римлян» он излагал сугубо рационалистическую точку зрения на античность. Он писал о суеверии греков, которое коренилось в недостатке просвещения. Вместе с тем в конце работы прозвучали и некоторые критические нотки по отношению к современности. Из древней истории можно извлечь важный урок, увидеть, как привычно для человека по сложившейся традиции выдавать величайшую бессмыслицу за разум, а позорные глупости за мудрость. «Это должно насторожить нас в отношении полученных по наследству и развиваемых дальше взглядов, проверить даже те, в отношении которых у нас не возникает и тени подозрения, что они могут быть ложными или лишь наполовину истинными».

В сочинении о древних поэтах Гегель, как бы развивая эту идею, подвергает критике новейшую литературу. Теперь, по его мнению, поэт не имеет такого широкого поля деятельности, как в былые времена. Отличительным качеством

и несомненным преимуществом античных авторов является простота. Их мысли почерпнуты не из книг, а непосредственно из жизни, из природы. Их забота — соответствовать истине, а не угождать вкусам публики.

Здесь, правда, нет ничего оригинального. После Винкельмана, Лессинга и Гердера увлечение античностью все более становилось достоянием немецкого образованного общества. Школьник лишь воспроизводил прочитанное. Но сделано это было убедительно и логично. Любовь к древним языкам и древним авторам Гегель сохранит и впоследствии.

Учитель доволен сочинениями и лишь отмечает ораторские промахи автора. Дело в том, что гимназисты обязаны не только написать сочинение, но и произнести его в классе. Гегель же не блещет красноречием.

При окончании гимназии также надлежало произнести речь. Гегель выбирает тему «О жалком состоянии искусств и наук у турок». Он никогда ранее не интересовался Востоком, и на этот раз турки понадобились ему лишь в качестве риторического приема. Обрисовав жалкие дела Османской империи, оратор предлагает бросить взгляд на родной Вюртемберг. Контраст разительный. «Теперь мы поймем выпавшее на нашу долю счастье и будем достойным образом ценить то, что родились в государстве, монарх которого, убежденный в значении образования и всеобщей пользе науки, превратил их в главный предмет своих забот и воздвиг себе тем самым также и здесь непреходящий памятник, которому не устанут удивляться благодарные потомки»⁶. Это сказано о Карле-Евгении, гонителе Шиллера и Шубарта, деспоте и солдафоне! В качестве примера процветания местной культуры оратор приводит воспитавшую его гимназию, он воздает хвалу ее руководству, благодарит учителей. Затем он обращается к друзьям и товарищам, призывая их понять, какие печальные последствия влечет за собой любое пренебрежение к наставлениям учителей и начальников.

Если бы эту речь произносил кто-нибудь другой, можно было бы заподозрить издевку. Но Гегель на хорошем счету. Мы не знаем, достигли ли его льстивые слова августейших ушей, во всяком случае, герцогская стипендия в университете ему была обеспечена. В октябре 1788 года он поступает на теологический факультет в Тюбингене.

В герцогстве Вюртемберг два высших учебных заведения: академия имени Карла в Штутгарте, созданная Карлом-Евгением для подготовки офицеров, медиков и юристов (эту академию окончил в 1780 году Шиллер), и старинный, ос-

нованный еще в XV веке Тюбингенский университет, где учатся преимущественно будущие пасторы и учителя. Число студентов колеблется от 200 до 300. Богословское отделение, на которое осенью 1788 года был зачислен Гегель, помещается в бывшем монастыре. И порядки здесь монастырские: по команде подъем, молитва, завтрак. Лекции, самостоятельные занятия, прогулки — все строго регламентировано. За нарушение распорядка — взыскания. Если проступок не столь велик, лишают порции вина к обеду, за серьезную провинность сажают в карцер. В городе богословов зовут «черными» — таков цвет их форменной одежды.

Будущих пасторов обучают верховой езде и фехтованию. Гегеля физические упражнения увлекают мало, он, как и в школе, с большим удовольствием проводит время за книгой. Над ним смеются, называют «стариком». В альбоме Гегеля появляется карикатура: сгорбленный, ковыляет он на костылях, под ней подпись: «Боже, помоги старику»⁷. Гегель не обижается, у него со всеми хорошие отношения, его любят, считают надежным товарищем.

Там, где можно, он пытается не отставать от других: нюхает табак, любит выпить, играет в карты и в фанты. За опоздание из отпуска попадает в карцер. Другой раз, явившись в интернат навеселе, он чудом избегает наказания: друзья прячут его от наставников. Староста комнаты предупреждает: «Смотри, Гегель, пропьешь свои мозги».

В альбом своему товарищу Гегель пишет:

Счастлив тот, кому в пути
Друга удалось найти.
Но тройне лишь тот счастливый,
Кто целует губы милой.

А на обороте: «Хорошо закончилось прошлое лето, а нынешнее еще лучше. Девизом первого было: вино; последнее: любовь! В. А.!» В. А. означает «Виват Августа!». Августа Гегельмейер, дочь профессора теологии, — первая любовь.

Она живет с матерью в доме, где помещается студенческий кабачок. Каждый вечер девушка спускается в погреб, и ей приходится проходить мимо столиков. Студенты поджидают хорошенькую девушку. Однажды в ее честь устраивают бал. Гегель в числе участников. Но, увы, юноша не встречает взаимности. Неловкий, старообразный, неряшливо одетый, у женщин он успехом не пользуется.

Занимается Гегель с усердием. Его первое студенческое сочинение, написанное в декабре 1788 года, в значительной степени воспроизводит то, что он писал в гимназии за не-

сколько месяцев до этого. Тема сочинения: «О некоторых преимуществах, которые дает нам чтение древних классических греческих и римских писателей»⁸. Здесь Гегель снова говорит о том, что древние поэты черпают свое вдохновение непосредственно из природы, и осуждает книжную премудрость нового времени. Древних авторов отличает изумительное богатство языка. Античная литература — школа вкуса и красоты. Особенно полезно читать древних историков, труды которых служат образцом исторического повествования и весьма важны для понимания пути, пройденного человечеством. Человеческий дух един во все времена и отличается лишь своеобразием условий своего развития. Гегель все больше усваивает идеи историзма, которыми пронизана духовная атмосфера его времени.

Первый год Гегель заканчивает с блестящей аттестацией: «*Ingenium bonum, diligens, mores boni*» («Способности отличные, старательный, поведение отличное»). Все последующие десять семестров в графе «Способности» будет стоять «*bonum*» — «отлично». Что касается поведения, то вместо «отлично» появится «*gesti*» («хорошо»), затем «*probi*» («удовлетворительно»), «*languidi*» («слабо») и, наконец, «*schlecht*» («плохо») ⁹. Теперь перед нами уже не благонаправленный гимназист. Впрочем, и не бесшабашный кутила, каких много в Тюбингене, каким он мог бы стать, но не стал. Дело здесь обстоит серьезнее. В жизнь Гегеля врываются новые интересы: политика.

* * *

Весной 1789 года из Франции начинают поступать тревожные известия: в стране голод и брожение, король вынужден созвать Генеральные штаты, третье сословие выходит из подчинения, депутаты народа объявляют себя Национальным собранием. 14 июля парижане захватывают Бастилию, революция распространяется по всей стране. 26 августа Национальное собрание принимает Декларацию прав человека и гражданина — документ, сыгравший определяющую роль в духовной жизни эпохи.

Незнание, забвение или презрение прав человека, говорилось в Декларации, являются единственной причиной общественных бедствий. Поэтому депутаты народа провозглашают священные права личности — свободу и равенство перед законом. Закон может запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, дозволено. Никто не должен быть тревожим за свои убеждения;

свободный обмен мыслями и убеждениями есть одно из самых драгоценных прав человека. Общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции.

В Германии французская революция вызывала энтузиазм передовой части общества. В Тюбингене, как и в других городах, возникает политический клуб. Здесь обмениваются новостями о событиях во Франции, зачитывают до дыр французские газеты, спорят о судьбах родной страны. По французскому образцу тюбингенские вольнодумцы торжественно сажают символическое дерево свободы. Есть сведения, что Гегель вместе со своим другом Шеллингом принимает в этом участие. (Сын Шеллинга, правда, впоследствии отвергает эту версию¹⁰.)

Гегель — активный член клуба, на заседаниях он выступает с политическими речами. Друзья Гегеля разделяют его настроения. Студенческие альбомы испещрены революционными лозунгами: «Против тиранов!», «Смерть мерзавцам!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Жан Жак!»¹¹.

Гегель увлекается революционными идеями Жан Жака Руссо — страстного обличителя социальной несправедливости и феодального угнетения. Руссо одним из первых разглядел изъяны буржуазного прогресса. Рост экономики, развитие науки, писал он, не приносит людям счастья, за свои приобретения человечество платит утратой свободы и нравственности. Руссо верил, что бесправное большинство народа сбросит в конце концов тиранию и обретет равенство. Идеалом государственного устройства для него были античные города-республики. События во Франции казались Гегелю осуществлением идей женеvского вольнодумца.

Революция развивается. Король пытался бежать из мятежного Парижа, но был задержан и возвращен. Монтаньяры агитируют за свержение монархии. А за пределами Франции собираются контрреволюционные войска, чтобы силой восстановить старый порядок.

Неподалеку от Тюбингена, в Роттенбурге, стоит отряд французских эмигрантов. Здесь нашли пристанище бывшие офицеры королевской армии, дворяне, беглые попы, откупщики, авантюристы. В Тюбингене им лучше не появляться: студенты не дадут прохода, оскорбят, вызовут на дуэль или просто изобьют.

...По улицам Тюбингена бредет человек в изодранной одежде, лицо в кровоподтеках, он еле передвигает ноги. Выясняется, что это француз-якобинец, захваченный в плен роялистами. Чудом ему удалось вырваться из рук врагов. Он

ждет погони из Роттенбурга, но двигаться дальше нет ни сил, ни средств. Клубисты приходят ему на помощь. Беглеца укрывают в надежном месте. Руководитель клуба Ветцель устраивает концерт. На собранные деньги переправляют француза за Рейн.

В клубе находится доносчик. Начинается расследование, которое ведет лично герцог Карл, специально для этого прибывший в Тюбинген. Ветцелю удалось своевременно скрыться. Остальные отделались испугом: репрессий не последовало. Не наказали даже Шеллинга, о котором ходят слухи, что он перевел на немецкий «Марсельезу». Юноша не скрывал содеянного, не каялся и на прямой вопрос герцога, он ли автор перевода «бандитской» песни, дерзко ответил: «Мы все ошибаемся по-разному»¹².

Юный Шеллинг обладает удивительными способностями. Пятнадцати лет (на три года раньше положенного) поступает он в университет. Гегель к этому времени начинает свой пятый семестр. Они встречаются на собраниях клуба, их сближение происходит на политической почве. Общность теоретических интересов возникнет позднее.

Философией Гегель интересуется сравнительно мало. Канта он начал читать в тот год, когда вспыхнула революция во Франции, но революционного духа в критической философии пока не почуял. Среди студентов-богословов образуется кружок по изучению «Критики чистого разума». Шеллинг — активный участник этого кружка, Гегель там не показывается.

Это не мешает Гегелю в двадцать лет стать магистром философии. По заведенному на теологическом факультете порядку первые два года студенты занимались преимущественно философией и затем защищали магистерскую диссертацию. Для этого нужно было написать две небольшие философские работы, сдать экзамен и принять участие в диспуте. защите подлежала не самостоятельная работа, а диссертация, написанная профессором. Оба сочинения Гегеля — «О суждении обыденного человеческого рассудка по поводу объективности и субъективности представлений» и «Об изучении истории философии» — не сохранились. Диссертацию «О границе человеческих обязанностей» представил к защите профессор Август Бэк. В диссертации отстаивалась вольфианская точка зрения на мораль: основы нравственности, по мнению автора, лежат в разуме и чувствах человека. Представления о моральных обязанностях не порождены идеей бессмертия души и Бога, однако вера в высшее существо укрепляет и совершенствует эти представ-

ления. Диссертацию защищали четыре студента, в том числе Гегель и Гёльдерлин.

Подобно своему «брату» (так он называет Гегеля), Гёльдерлин бредит революцией. Он увлечен Древней Грецией и пантеизмом Спинозы, пишет замечательные стихи. О настроениях Гёльдерлина говорят выразительные строки из письма: «Я больше не привязываюсь к отдельному человеку. Моя любовь принадлежит человечеству, правда, не тому развращенному, рабски покорному, косному, с которым мы слишком часто сталкиваемся даже в пределах повседневного опыта. Но я люблю все великое и прекрасное, что заложено даже в развращенном человеке. Я люблю человечество грядущих столетий». А вот стихи, навеянные французской революцией, — последняя строфа из «Гимна к человечеству»:

Так возликуйте, гимны Славы!
Не пел таких пеанов даже Грек!
Мы верили, и вот — мы были правы:
Ты празднуешь Свободу, Человек!
К живым выходят деды-побратимы
Почтить потомков многославный род.
И к Совершенству — прах, богами чтимый, —
Громада Человечества идет!*

Три последних года пребывания в университете посвящены исключительно богословию. Завершаются они защитой диссертации по церковной истории Вюртемберга. Помимо Гегеля, эту работу защищают еще восемь человек. Консульториальный экзамен осенью 1793 года — последняя дань пребыванию на студенческой скамье.

Выпускное свидетельство Гегеля гласит:

Здоровье слабое.
Рост средний.
Красноречием не отличается.
Жестикация сдержанная.
Способности отличные.
Суждения здравые.
Память твердая.
В письме и чтении затруднений нет.
Поведение хорошее.
Трудолюбие нерегулярное.
Физическое развитие достаточное.
По теологии успевал.
Церковным красноречием занимался не без усердия,
однако большим оратором себя не проявил.
В филологии сведущ.
В философии никаких стараний не проявил.

---

* Перевод В. Левика.

Так выглядел документ, опубликованный в 1845 году. Биографов Гегеля приводила в смущение плохая отметка по философии. Этим возмущались, по этому поводу острили. Р. Гайм в книге «Гегель и его время»¹³ как будто имел все основания сказать: учителя Гегеля засвидетельствовали, что он «является идиотом в философии». Но позже ряд авторов, обратившихся к архивам, уверял, что налицо ошибка: они собственными глазами видели в дипломе магистра Гегеля высокую оценку по избранной в дальнейшем специальности. Наконец, третьи выдвинули версию о том, что первоначальная плохая оценка была затем исправлена на хорошую — эта версия воспроизведена в первом издании данной книги. Только недавно была внесена ясность. Оказывается, существуют два выпускных свидетельства Гегеля. Первое, предварительное, изготовленное в Тюбингене, в графе о философии гласило: «проявил много стараний». Другое, составленное в Штутгарте, где находилось правительство, содержало опisku: вместо «много» (*multam*) — «никаких» (*nullam*). Описка была исправлена, видимо, после первой публикации, со ссылкой на тюбингенский документ¹⁴.

Экзамен сдан, но Гегель не стремится к духовной карьере. Что-то удерживает его от того, чтобы стать священником. Что именно? Однокашник Гегеля Лойтвайн объясняет перемену в его намерениях уязвленным самолюбием: он пришел из гимназии в университет первым учеником, его товарищ по школе Мерклин был вторым. В университете они поменялись местами: Мерклин окончил университет третьим, а Гегель четвертым. Это будто бы оставило неизгладимую рану в его сердце. Если бы Гегель, уверяет Лойтвайн, кончил бы третьим, а не четвертым, он наверняка стал бы священником и философия не обрела бы в нем своего корифея. Но дело в том, что Гегель не отличался ни самолюбием, ни честолюбием в той степени, какую приписывал ему Лойтвайн, выдававший себя за лучшего друга Гегеля в студенческие годы. Последнее, кстати, также не соответствует действительности: друзьями Гегеля были Шеллинг и Гёльдерлин.

Нельзя согласиться и с теми, кто считает, что от духовного поприща Гегеля удержали плохие ораторские способности: на университетской кафедре красноречие не менее необходимо, чем на церковном амвоне. Причины лежали в ином: в антипатии к Церкви, возникшей как следствие монастырско-казарменных нравов, царивших в университете, в радикальных убеждениях, сложившихся под влиянием французской революции и чтения Руссо.

Гегель, разумеется, не афишировал свои намерения и настроения. Пасторских вакансий не было, и считалось, что магистр богословия ждет достойного места. Только так можно объяснить то обстоятельство, что уже после окончания курса наук ему вдруг определили персональную стипендию. Называлась стипендия хиршмановской по имени учредительницы Анны Хиршман, которая еще в прошлом веке оставила некоторую сумму денег, на проценты которой четверем ее потомкам, изучающим теологию, выплачивалось вспомоществование. Вскоре после того как Гегель поступил в университет, его отец стал добиваться этой стипендии для сына. Он представил родословную, из которой явствовало, что семья Гегеля находится в отдаленном родстве с домом Хиршман. После тщательной проверки было установлено, что Георг Вильгельм Фридрих Гегель находится в восьмой степени родства с учредительницей, и поскольку среди студентов-теологов имелись более близкие ее родственники, ему пришлось довольствоваться ожиданием. К концу обучения он уже числился первым претендентом, а в 1794 году его включили в число стипендиатов. Деньги мизерные — 20 гульденов в год, существовать на них невозможно.

В октябре 1793 года Гегель отправляется в Швейцарию. В Берне он становится воспитателем детей тамошнего патриция Карла Фридриха Штайгера. Детей трое: две девочки и мальчик, занятия с ними отнимали не так уж много времени и сил, у Гегеля есть возможность и для продолжения образования, и для литературных занятий. В его распоряжении богатая библиотека хозяина.

Он делает выписки из работ Георга Форстера — знаменитого немецкого якобинца. В 1792 году, когда войска санкюлотов, преследуя разбитых интервентов, вступили на немецкую землю, в Майнце возникла республика, провозгласившая свое присоединение к революционной Франции. Георг Форстер был в числе ее руководителей; его жизнь оборвалась в 1794 году в Париже, где он до конца своих дней верно служил революции.

Гегель по-прежнему внимательно следит за французскими делами. Он не принял якобинского террора, как и большинство сочувствовавших революции немцев. Террор был свидетельством тупика, в который завела революцию стихия борьбы.

Антипатия к крайностям якобинской политики не изменила, однако, в целом положительного отношения Гегеля к французской революции. «Это был великолепный восход солнца», — вспоминал он на склоне своих лет¹⁵. Француз-

ская революция вошла в плоть и кровь гегелевского учения; даже став консерватором, Гегель не мог представить себе историю Европы без этого катаклизма. Маркс назвал философию Канта «немецкой теорией французской революции»; с не меньшим основанием слова Маркса можно отнести и к Гегелю. Как удачно выразился один автор, категории диалектики — это формы, в которых застывала лава революционных событий.

Но пока еще лава кипит, а Гегель всего лишь свидетель происходящего, к тому же не переоценивающий своих возможностей. В тихом Берне он погружен в книги и рукописи. Он собирается написать работу по теории познания, и в его тетрадях накапливаются «Материалы к философии субъективного духа». Здесь чувствуются новые веяния, молодого философа волнуют каверзные вопросы: каким образом созерцание становится актом сознания, как нервы выполняют свою роль инструментов ощущения, где размещается душа? Ответы на эти вопросы пытаются дать англичане Пристли и Гартли, француз Бонне. Гегель знаком с их работами если не в оригинале, то уж во всяком случае в переложении Якоба Фридриха Абеля, профессора штутгартской КарлсшULE, а затем Тюбингенского университета. Его работу «Об источниках человеческих представлений» Гегель в своих записях иногда воспроизводит дословно.

Одновременно Гегель серьезно штудировал Канта, значение которого постепенно начинает осознавать. «От Кантовой философии и ее высшего завершения я ожидаю в Германии революцию», — пишет он Шеллингу¹⁶. Внимание Гегеля, правда, привлекает не «Критика чистого разума» (это придет потом), а работы по практической философии и их истолкование в учении Фихте. «У иных голова закружится от той огромной высоты, на которую философия вознесла человека; однако почему столь поздно встал вопрос о достоинстве человека, о признании его способности быть свободным, способности, которая ставит его в один ряд со всеми духами. Мне кажется, нет лучшего знаменья времени, чем то, что человечество изображается как нечто достойное такого уважения. Это залог того, что исчезнет ореол, окружающий земных угнетателей и богов. Философы докажут это достоинство, народы научатся его ощущать, и тогда они уже не станут требовать свое растоптанное в грязи право, а просто возьмут его назад, освоят его». С неподдельным пафосом Гегель провозглашает: «Стремитесь к солнцу, друзья, чтобы скорее созрело спасение человеческого рода! Что из того, что нам мешают ветви и листья, пробивайтесь к солнцу!»¹⁷

С высоких философских материй Гегель неизменно сбивается на политику, которая по-прежнему в центре его духовных интересов. «Не отставать!» — повторяет он студенческий девиз Шеллинга, но ему не угнаться за своим юным другом. Тот уже публикует в печати свои теоретические работы, а Гегель не решается даже высказать о них критическое мнение: «В этом вопросе я только ученик»¹⁸. А в ответ на просьбу Шеллинга сообщить о своих литературных занятиях замечает: «О моих работах не стоит даже говорить»¹⁹.

А между тем он много пишет. В Берне Гегель работает над произведением, начатым еще в Тюбингене. Оно осталось незавершенным и было издано много лет спустя после смерти философа под названием «Народная религия и христианство»²⁰. Гегель убежден в том, что религия является «одним из самых важных дел нашей жизни», в религии прежде всего заинтересовано «сердце». Подлинная, живая, «субъективная» религия выражается в чувствах и поступках. Ей противостоит, или, точнее, в нее включена «объективная» религия, существующая в виде мертвого знания о Боге. Если первую можно сравнить с живой книгой природы, то вторая — кабинет натуралиста, который умерщвляет насекомых, засушивает растения, заспиртовывает животных, укладывает в единую рубрику все то, что природа разъединяет, устанавливает единую цель там, где природа связывает узлами дружбы бесконечное многообразие целей. Иными словами, «субъективная» религия — это синоним морального поведения, она присуща «хорошим людям», «объективная» религия — это богословие; относительно его моральных потенций Гегель выражается сдержанно, полагая, что оно способно «принимать любую окраску, почти безразлично какую».

«Объективная» религия опирается на рассудок, однако рассудок никогда не диктует принципы, это всего лишь слуга, который угодливо следует за настроением своего господина; рассудок делает умнее, но не лучше и даже не мудрее: «мудрость — это не наука». Говорят, рассудок раскрывает истину; но какой смертный отважится вообще решать, что такое истина? Как не похожи все эти рассуждения на взгляды зрелого Гегеля, как близки они руссоистским принципам, движению «Бури и натиска» с его бунтом чувств против рассудка.

У богословов Просвещения заимствует Гегель термин «позитивная» религия, которым он обозначает религию, опирающуюся на авторитет и традицию. Антипод позитивной религии — религия народная; ее догматы хотя и покоятся на разумных началах, но обращены прежде всего к чувст-

вам, ее ритуал включает в себя «публичные государственные действия».

За богословской терминологией явно просвечивает проблема разумного социального устройства, идеалом которого для молодого Гегеля (как и для Руссо) является античная демократия. Народная религия рождает и питает высокий образ мыслей — она идет рука об руку со свободой. Наша религия хочет воспитать людей гражданами неба, взор которых всегда устремлен ввысь и которым чужды человеческие чувства. Во время нашего наиболее значительного публичного праздника люди приближаются к вкушению святого дара в краске траура с опущенным взором... тогда как греки приближаются к алтарям своих богов, увенчанные милостивыми дарами природы, цветами, облаченные в краски радости, выражая удовлетворение на своих открытых лицах, приглашающих к веселью и любви. Дух народа, его история, степень политической свободы не могут рассматриваться отдельно, они тесно взаимосвязаны.

Пока Гегель критикует не само христианство, а его современное состояние. Он недоволен Церковью, но верит в Бога. Когда Шеллинг в одном из писем иронизирует по поводу кантианцев, которые так ловко манипулируют моральными доводами, что «прежде чем ты успеешь опомниться, перед тобой уже появляется *deus ex machina**, личное, индивидуальное существо, восседающее высоко на небе»²¹, Гегель просто не понимает, о чем идет речь. «Разве ты думаешь, что мы не способны на это?»²² — спрашивает он друга и просит дать разъяснения. В ответ он получает возмущенную отповедь: «Признаюсь, вопрос твой меня поразил: я не ожидал его от поклонника Лессинга. Однако ты правильно решил узнать, решен ли этот вопрос у меня окончательно. Для себя ты его, конечно, уже давно решил. У нас также нет ортодоксальных понятий Бога. Мой ответ таков: мы пойдем дальше понятия персонального существа. За это время я стал Спинозистом»²³.

О себе Гегель этого сказать не может. Его привлекает фигура Христа. Летом 1795 года в живописном уголке Швейцарии — имении Штайгеров Чугг — Гегель создает жизнеописание основателя христианской религии. Внешне это переложение евангельских текстов, но какова интерпретация! Ни слова о благовещении, непорочном зачатии, чудесах, воскресении из мертвых. Христос Гегеля — моралист, апеллирующий к разуму человека. Это тоже характерный

---

* Бог из машины, то есть: совершенно неожиданно (*лат.*).

момент: взгляды молодого богослова не устоялись, еще год назад он превозносил чувство, теперь на первом месте разум. «Чистый разум, которому нет предела, есть само божество. В соответствии с разумом упорядочен план мироздания. Именно разум раскрывает перед человеком его назначение, безусловную цель жизни; иногда мгла обволакивает его, но никогда не тушит полностью, даже во тьме крошечной сохраняется хотя бы слабое его мерцание»²⁴. Так начинается рассказ Гегеля о жизни Иисуса, написанный удивительно ясной и проникновенной прозой. Никогда в будущем в стилистическом отношении он не создаст ничего более совершенного.

В уста Христа Гегель вкладывает нечто вроде кантовского категорического императива: если вы хотите, чтобы что-то стало всеобщим законом и касалось бы вас, поступайте соответствующим образом²⁵. Такова формула нравственности (Гегель пока не отличает ее от морали), а нравственность — единственный масштаб богоугодности. С каждого спросится по его делам. Превыше всего человек, индивид.

Проходит несколько месяцев, и молодого мыслителя обуревают иные думы. Христианская проповедь, обращенная к личности, его уже не устраивает. Он садится за новую рукопись, которая впоследствии получит название «Позитивность христианской религии» (1795 год). Позитивность, мы уже знаем, — это своего рода окостенелость.

Первоначальное учение Христа Гегель отличает от возникшего затем христианства. И тем более от христианства позднейшего, ставшего государственной религией. Эти три разновидности христианской религии — три этапа ее омертвления, усиления черт «позитивности», которые, впрочем, характерны уже и для проповеди ее основателя. Христос стремился преодолеть «позитивность» выродившейся иудейской религии верой в собственный авторитет. «Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, будет осужден». Эти слова Иисуса, замечает Гегель, возможны в устах создателя позитивной религии, а не учителя добродетели.

А окружение Христа? Гегель сопоставляет Иисуса с Соократом, учеником которого мог быть каждый; среди его друзей находились торговцы, солдаты, государственные мужи, каждый из которых был занят своим делом. Христа окружают двенадцать апостолов, проповедников его учения, интересующихся только им самим, только его делами, его словами. Это создает условия для духовного догматизма, авторитарности.

Догматы Иисуса обращены к индивиду, а не к роду. Если хочешь быть совершенным, продай свое имущество и подели деньги среди бедных; это поучение Христа, даже если его представить в качестве принципа поведения только небольшой общины, ведет к слишком абсурдным следствиям, чтобы его можно было распространить на общество в целом. Общество может процветать только в том случае, если все его члены руководствуются едиными, обязательными для всех принципами поведения. Таков Рим в период его могущества. Здесь не раздумывали над тем, что делать, ибо это было ясно каждому. В Риме были только римляне, но не было человека. Здесь никогда не появился бы Христос.

Однако каким образом утвердилось христианство? Почему исчезла «народная религия» древнего мира? Гегеля не удовлетворяет обычный для его времени ответ: вера Христа соответствовала возросшим потребностям человеческого духа, который не мог более поклоняться толпе богов, озорничающих, дерущихся, прелюбодействующих. Из сердца народа религию не вырвешь кабинетными умозаключениями, не просвещение распространяло христианство. Ответ Гегеля гласит: религия римская и греческая — религия свободных народов, а когда свобода была утрачена, то неизбежно суждено было исчезнуть и ее смыслу, ее силе, ее сообразности людям. Зачем сети рыбаку, если русло реки пересохло?

Ранние работы Гегеля далеки от канонического богословия, иногда это обвинение против Церкви. Речь идет в первую очередь о христианстве, но не только о нем. «Основной порок, лежащий в основе всей церковной системы, — это непризнание прав любой способности человеческого духа, особенно же первой среди них — разума; и поскольку разум не признан и не понят церковной системой, то она не может быть не чем иным, как системой презрения к людям»²⁶.

Это уже нечто большее, чем критика христианства. В лице Церкви Гегель обличает систему подавления духовной свободы. Официальная религия служит лишь мантией для прикрытия деспотического режима, и деспотизм стоит на страже существующих верований. Возможность, чтобы вера изменилась, предотвращается запретом чтения тех или иных книг, обсуждения в разговорах на церковных и учебных кафедрах чужих мнений... любая Церковь утверждает, что на целом свете нет ничего более простого, чем обретение истины: стоит только на память заучить соответствующий катехизис.

Для того чтобы вернуть утраченную духовную и политическую свободу, необходимо коренное переустройство об-

щества. Молодой Гегель видит выход в устранении государства. В этом отношении весьма характерен фрагмент «Первая программа системы немецкого идеализма», созданный в конце 1796 года. Государство здесь оценивается в духе Гердера — как нечто механическое, антигуманное, рожденное насилием и обреченное на исчезновение, как машина. «Мы должны, следовательно, выйти за пределы государства! Ибо любое государство обязано рассматривать свободных людей как механические шестеренки, а именно этого делать нельзя, следовательно, оно должно исчезнуть»²⁷. Философ намеревается разоблачить до конца всю жалкую человеческую возню с государством, конституцией, правительством, законодательством. Гегель верит в наступление «вечного мира», ставит выше всего идею красоты и даже призывает создать «новую мифологию». «Я убежден, что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический, и что истина и благо соединяются тесными узами лишь в красоте. Философ, подобно поэту, должен обладать эстетическим даром. Люди, лишенные эстетического чувства, — таковы наши философы-буквоеды. Философия духа — это эстетическая философия. Ни в одной области нельзя быть духовно развитым, даже в истории нельзя рассуждать серьезно, не обладая эстетическим чувством»²⁸.

Трудно поверить, что эти строки принадлежат Гегелю. Они настолько отличаются от всего потом написанного, что возникали даже сомнения в его авторстве²⁹. Действительно, мыслитель, который в будущем поставит превыше всего разум человека, пока что подчиняет его эстетическому чувству. Будущий безусловный апологет государства разносит его в пух и прах. Это он делает и в «Жизни Иисуса», утверждая устами своего героя: «Не надейтесь увидеть царство божие во внешнем, пусть самом блистательном, объединении людей — ни в виде государства, ни в виде общества, подчиненного твердо установленным законам»³⁰. В свою гуманистическую программу Гегель принимает как само собой разумеющееся пункт о вечном мире и осуществление его связывает с реализацией идеи истины, блага и красоты.

Поэтическое умонастроение философа (иногда он даже пишет стихи) питается красотами духа. Красота швейцарского ландшафта не радует его. Гегель, правда, охотно гуляет в окрестностях Берна и Чугга, а однажды в июле 1796 года в компании трех таких же, как он, гувернеров совершает даже многодневную пешеходную экскурсию по Альпам. Их путь лежит к Гриндельвальдскому глетчеру, затем к Райхенбахскому водопаду, далее на Сен-Готард, через Чертов мост,

по Фирвальдштетскому озеру в Люцерн и оттуда домой в Берн. Таков маршрут. А каковы впечатления?

Покрытые вечными снегами исполинские горы оставляют Гегеля равнодушным. В путевом дневнике он записывает: «Среди этих бесформенных масс нельзя найти чего-либо такого, что порадовало бы глаз и дало бы занятие игре воображения. Размышляя о возрасте этих гор и о тех особенностях возвышенного, которые им приписывают, разум не обнаруживает ничего, что бы ему импонировало, порождало бы удивление и восторг. Вид этих вечно мертвых масс вызвал у меня только однообразное и бесконечно скучное представление: так всегда»³¹. Философа, мысли которого целиком погружены в кипучую политическую и духовную жизнь века, удручает мрачное и неподвижное величие альпийского ландшафта. Он не ищет ни тишины, ни покоя и от души радуется, обнаружив в природе нечто такое, что соответствует его бурному течению мыслей. Это водопад Райхенбаха. Здесь все в движении, и хотя кажется, будто перед глазами постоянно стоит одна и та же картина, на самом деле она непрерывно меняется.

Очувшившись в безлюдной скалистой местности, непригодной для жилья, философ размышляет о бессмысленности телеологии, веры в то, что природа создана для удовлетворения потребностей человека. Свое скучное пропитание человек здесь буквально должен отвоевывать у гор, не будучи уверен, что завтра его не раздавит лавина. Среди этой пустыни могут возникнуть любые теории, только не та часть физико-теологии, которая уверяет, будто в природе все устроено для людского блага. Как жалок и самоуверен человек, убежденный в том, что посторонние силы заботятся о его счастье!

Философу по душе пейзаж иного рода; он любит (и будет любить всю жизнь) природу, освоенную и упорядоченную человеком. В зрелые годы его глаз радуют тучные пастбища Нидерландов, сады Монмартра, долина Дуная, окрестности Гейдельберга. Среди дикой природы ему неуютно. К тому же Гегель тяготится своим пребыванием в чужой стране, в чопорной патрицианской семье, вдали от друзей и близких. Он просит Шеллинга и Гёльдерлина помочь ему выбраться на родину. Проходит некоторое время, и в октябре 1796 года Гёльдерлин, учительствующий во Франкфурте, сообщает радостную весть: коммерсант Гогель готов принять в свой дом на весьма выгодных условиях.

В начале 1797 года происходит переезд. Побыв недолго в родительском доме, Гегель отправляется во Франкфурт. Друзья встречаются, но долго быть вместе им не суждено.

Гёльдерлин вынужден покинуть город. Юный поэт влюблен в жену хозяина дома, где он служит, — Сюзетту Гонтар. Ему отвечают пылкой взаимностью. Он называет ее Диотимой (это имя жрицы из платоновского диалога «Пир»). Диотиме он посвящает свои стихи, называет Диотимой героиню своего романа «Гиперион». «Это было какое-то любовное безумие», — вспоминает очевидец. Таиться более невозможно. Гёльдерлин вынужден уехать.

Дальнейшая его судьба трагична. Поэт попадает во Францию. Но там уже отгремели революционные бури, всюду коррупция, культ военщины, мещанство и карьеризм. Гёльдерлин тайком переписывается с Диотимой, которую по-прежнему страстно любит. Вдруг из Франкфурта приходит печальное известие: его возлюбленная умерла. Этого удара он уже не может выдержать. Душевное расстройство быстро прогрессирует. Летом 1803 года Шеллинг встречает Гёльдерлина в Швабии и сообщает о своих впечатлениях Гегелю (который к тому времени обосновался в Йене): «Его вид потряс меня, внешность вызывает отвращение неопытностью, у него манеры людей, которые находятся в подобном состоянии, хотя речь его меньше всего свидетельствует о сумасшествии. Здесь ему не вылечиться. Я хотел тебя спросить, не примешь ли ты его в Йене, если он туда приедет, а такое намерение у него есть. Ему нужно спокойное окружение; заботливый уход, может быть, поставит его снова на ноги. Тот, кто примет его, должен, конечно, стать его наставником и заново создавать его. Если удастся совладать с его внешностью, то он будет не в обузу — ведет он себя тихо и весь погружен в себя»³².

Ответ Гегеля: «Благодарю тебя за разнообразные воспоминания о Швабии, которые ты мне сообщил. Для меня были неожиданностью разнообразные художественные достопримечательности, которые ты открыл в Штутгарте. Но все же этого мало для того, чтобы создать противовес для всех прочих плоских и неинтересных вещей, что гнездятся там. Еще большей неожиданностью для меня было появление в Швабии Гёльдерлина, да еще в таком виде. Ты, конечно, прав: там он вряд ли излечится. Но теперь уже не поможет и Йена. Весь вопрос в том, достаточно ли в его состоянии одного покоя, чтобы поправиться. Я надеюсь, что он все еще питает ко мне некоторое доверие, которое он когда-то ко мне имел, и это даст мне возможность что-нибудь для него сделать здесь, если он тут появится»³³.

Некоторые биографы Гегеля утверждают, что философ и поэт никогда не были друзьями. Это неверно. «Дорогой брат, — пишет Гёльдерлин Гегелю вскоре после окончания

университета, — ...мы верим, что наша дружба будет вечной»³⁴. Гегель отвечает ему не менее восторженно: «Ко мне вновь пришла радость — весть о тебе. Каждая строка твоего письма говорит о неизменной любви ко мне. Я не могу выразить, как много радости оно мне принесло и еще больше — надежды. Надежды увидеть тебя»³⁵. Не верить искренности этих слов нельзя. Два столь несхожих характера тянулись друг к другу, как бы стараясь компенсировать у себя отсутствие тех или иных духовных качеств. Подражая поэту, философ писал стихи. «Общение с Гегелем, — признавался Гёльдерлин, — для меня крайне благотворно. Я люблю таких спокойных, рассудочных людей; они могут служить ориентиром в тех случаях, когда не знаешь, как определить свое отношение к миру и самому себе». Других свидетельств о их встречах во Франкфурте не сохранилось. Может быть, там наступило охлаждение, может быть, позднее.

Гёльдерлин умер в 1843 году. С 1806 года он находился в состоянии полного помешательства, сначала в клинике, затем в приютившей его чужой семье. Гегель ни разу не навещал его. Первое время в письмах к однокашнику Синклеру он спрашивался о здоровье поэта, но Синклер тоже не был в курсе дела, и скоро имя Гёльдерлина исчезло из их переписки. Гегель слишком ценил разум; человек, потерявший способность мыслить, был для него мертв.

Вернемся, однако, во Франкфурт. У Гегеля здесь свои переживания, своя любовь. Разумеется, без тех крайностей, которые погубили его друга. О женитьбе философ пока не помышляет хотя бы потому, что еще не обеспечен. «Никакая любовь не бывает столь сильна, чтобы заставить удалиться в пустыню, отказаться от удобств и жить одной только любовью» — таково его твердое убеждение. Чувство увядает, как тот веночек, который сплела ему Нанетта Эндель, штутгартская модистка. «Веночек, который соединяет друзей в разлуке, — пишет он ей, — я сделаю спутником своей жизни. Цветы засохли, жизнь покинула их, но разве есть на свете такое, что бы не мог оживить дух человека, что бы он не заставил говорить? Этот веночек будет мне всегда нашептывать: где-то живет маленькая черноокая голубка, твоя подруга». Своей милой Гегель рассказывает о театральной жизни Франкфурта: «Среди актрис есть прелестные девицы, которые столь естественно изображают женское благородство, насколько оно им чуждо за пределами сцены. Я пишу “повидимому”, потому что знаю это не по своему опыту»³⁶. Магистр богословия не хотел, чтобы его заподозрили в легкомысленном поведении, а тем более неверности. Но все

обошлось без эксцессов. Нанетта умерла старой девой, сохранив как святыню те несколько писем, которые Гегель прислал ей из Франкфурта.

Франкфурт — центр немецкого масонства. В какой мере движение вольных каменщиков затронуло Гегеля? Этот вопрос специально исследовал французский гегелевед Жак Д'Он. В его книге «Потаенный Гегель» отмечается неоднородный характер тогдашнего масонства, в рядах которого наряду с коронованными особами можно было найти и крайних революционеров. Из 605 делегатов французских Генеральных штатов, начавших в 1789 году борьбу с королем, которая затем привела к революции, 477 были масонами. К масонам принадлежали не только многие жирондисты, но и ведущие якобинцы — Дантон, Марат, Робеспьер.

Иоганн Гогель, в доме которого поселился и стал работать Гегель, — видный масон. Возникают у Гегеля и другие масонские знакомства. Близость к вольным каменщикам наложила отпечаток на все дальнейшее творчество философа. Д'Он обнаруживает во многих работах Гегеля масонскую символику и приходит к следующему выводу: «Гегель испытал влияние масонства. Принадлежал ли он к нему активно, был ли принят в ложу и занесен в ее списки? Его биографы не указывают на масонство как на важный компонент социальной и духовной среды, в которой жил философ. Понять такое молчание трудно. Объяснить это можно полным незнанием масонства этими авторами или боязнью перед трудоемкими, рискованными разысканиями, или стремлением не связывать память о Гегеле с сектой, вызывающей отвращение... Это всеобщее молчание придает особое значение тому свидетельству, которое содержится в энциклопедии «Большой Брокгауз» в статье «Масонство». Здесь Гегель назван в числе известных масонов между Фихте и Краузе»³⁷.

Не без ведома Гогеля, а может быть и с его помощью, Гегель выпускает в 1798 году свою первую работу. Это была вышедшая анонимно небольшая книжица, носившая название «Доверительные письма о прежних государственно-правовых отношениях земли Ваадта (Vo) к городу Берну. Полное разоблачение бывшей олигархии бернского сословия. Снабженный примечаниями перевод с французского писем покойного ныне швейцарца»³⁸. Гегелю действительно принадлежали перевод и комментарии. Автор писем швейцарский адвокат И. Карт (находившийся, правда, в то время еще в полном здравии) обличал деспотические порядки, господствовавшие в Берне до прихода туда французов. Некоторые мысли автора привлекли внимание Гегеля, и он

снабдил их своими соображениями. Отсутствие гражданских свобод в Бернском кантоне проявляется прежде всего в судебном произволе властей. Судопроизводство находится целиком в руках правительства и администрации, поэтому нормы права практически не соблюдаются. Нигде на свете не казнят людей в таком количестве — вешают, колесуют, сжигают, как в этом кантоне. Защиту на суде никто не слушает, высшая инстанция, не вникая в суть дела, автоматически утверждает приговор низшей. Гегель сообщает анекдотический случай, который чуть было не закончился трагически. Молодая женщина была обвинена в убийстве новорожденного и приговорена к смерти. Во время исповеди перед казнью она сказала священнику, что ей больше всего жалко ребенка, которого она носит под сердцем. Дальнейшее освидетельствование выяснило, что обвиняемая действительно беременна и еще не родила того ребенка, в убийстве которого обвинялась. На вопрос, почему она не сказала этого раньше, она ответила, что не осмелилась противоречить тем строгим господам, которые ее допрашивали.

Был еще один политический памфлет — «О том, что магистраты должны избираться гражданами. К вюртембергскому народу». По совету друзей Гегель его не опубликовал. До нас дошли лишь фрагменты текста. Вот один, весьма выразительный: «Сколько слепы те, кто полагает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более нравам, потребностям и взглядам людей; что формы, к которым не проявляют более интереса рассудок и чувство, достаточно могущественны, чтобы и впредь служить узами, объединяющими народ»³⁹.

Внимание Гегеля по-прежнему приковано преимущественно к сфере политики, социального устройства, религии. Новым является интерес Гегеля к политической экономии. В начале 1799 года Гегель читает и подробно конспектирует немецкое издание книги английского экономиста Стюарта «Исследование основ политической экономии». Гегель задумывается над имущественными проблемами и угадывает в них корень социальных конфликтов. «В государствах нового времени, — читаем мы в одном из франкфуртских фрагментов, — обеспечение собственности — это ось, вокруг которой вращается все законодательство и с которой так или иначе соотносятся большей частью права граждан. В некоторых свободных республиках древности самой конституцией нарушалось то право собственности, которое составляет заботу всех наших властей и гордость наших государств... Было бы важно установить, в какой мере правом собствен-

ности следует жертвовать для установления стабильной формы республики. Может быть, совершалась несправедливость по отношению к системе санкюлотизма во Франции, когда приписывали хищным инстинктам те меры по установлению имущественного равенства, которые там намеревались осуществить»⁴⁰.

Собственно философские проблемы, казалось бы, не волнуют молодого мыслителя, но это не совсем так: хотя они и оттеснены на второй план, но при внимательном рассмотрении можно увидеть их подспудное, подчас даже доминирующее воздействие на духовный мир Гегеля. Главная работа, возникшая во Франкфурте, — неоконченная рукопись, получившая впоследствии название «Дух христианства и его судьба». Главный персонаж по-прежнему Иисус. Но здесь он уже не глашатай кантовской этики, а ее оппонент. Внешне это выглядит как полемика с Моисеем, отцом законодательства древних иудеев. «Законы Моисея несли слова Бога, — пишет Гегель, — не как истину, а как приказ. Евреи зависели от своего Бога, а то, от чего человек зависит, не может иметь форму истины. Господство и подчинение несовместимы с истиной, красотой, свободой. Судьба иудейского народа — судьба Макбета, связавшего себя с нечистой силой; трагическое в этой судьбе пробуждает не сострадание, а отвращение»⁴¹.

Христос хотел преодолеть внешний характер норм, господствовавших в древней Иудее, восстановить человека как нечто целое, в котором органически слиты личные склонности и общественные обязанности. И далее уже не Христос спорит с Моисеем, а Гегель с Кантом. Моральность, по Канту, есть подчинение единичного всеобщему, победа всеобщего над противостоящим ему единичным; для Гегеля задача заключается в возвышении единичного до всеобщего, в снятии двух этих противоположностей через их слияние. Это чрезвычайно важный момент; фактически именно здесь зарождается будущая гегелевская диалектика. Проблема уже поставлена: как найти такое неформальное всеобщее, которое органически сочеталось бы с единичным и особенным? Корни диалектики — в этике.

Задача сформулирована: объединить личную склонность и моральный закон, единичное и всеобщее. Но решение, которое пока дает Гегель, потом его никак не сможет удовлетворить. Сейчас ему панацеей представляется сама жизнь и ее высшее проявление — чувство любви, объединяющее противоположности. Так Иисус противопоставлял сухой ветхозаветной заповеди «не убий» призыв к всеобщему примирению, который не просто направлен против этого зако-

на, но делает его излишним; он содержит в себе такую жизненную полноту, что столь бедный по содержанию закон для него просто не существует.

Нельзя исчерпать факторы, определявшие духовное развитие Гегеля, не упомянув немецкой мистики. В зрелые годы великий рационалист будет симпатизировать Баадеру. Пока что он конспектирует Мейстера Экхарта и Таулера. В какой-то мере к мистикам восходит и идея совпадения противоположностей, которая все больше овладевает мыслями молодого Гегеля.

Ортодоксия отталкивает мыслителя, ереси привлекают. Он считает, что ереси и секты будут существовать до тех пор, пока Церковь не перестанет душировать мысль, выступая от имени государства. И когда Гегель ставит выше философии религию, он имеет в виду не официальное вероучение. Философия кончается там, где начинается религия, ибо первая представляет собой мышление и, следовательно, имеет в качестве противоположности, с одной стороны, немышление, а с другой — мыслимое. Религия же снимает все противоречия частичного бытия, жизнь предстает в ней как нечто бесконечное, где все противопоставления погасли.

Эти мысли содержатся в наброске, получившем название «Фрагмент системы». Время написания — осень 1800 года. Это своего рода последнее слово молодого Гегеля. Дальше начинается новый этап.

Философу уже тридцать лет. Год назад умер его отец; доля наследства, доставшаяся Гегелю, невелика — немногим более трех тысяч гульденов, но этих денег достаточно, чтобы вступить на академическое поприще. В январе 1801 года Гегель перебирается в Йену.

В «Йенской реальной философии» (1805—1806) он обнаружил задание на будущее. Нужно развить три момента: 1) рассмотреть части целого, внешнюю организацию, ее нутро, силы, ее бытие и дух как «знание духа о своей духовной природе как таковой»; 2) возвыситься над ней и получить знание о себе самой как о знании; 3) стремиться к духу, знающему себя как абсолютный дух, религия. «Первое — нравственность, второе — моральность, третье — религия». Так начинается новый этап в его жизни. От намеченного он не отступался в учении о субъективном, объективном и абсолютном духе, замыкавшемся на Боге как абсолюте. В зрелые годы Гегель полагал, что время, в котором он жил, можно успокоить лишь методом, дисциплинирующим мысли. Религия — это предчувствие философии, а философия — осознание религии. Нельзя доверять философии, если она аморальна или иррелигиозна⁴².